

ПАРАДИГМА ПРАВОПОНИМАНИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Татьяна Амплеева*

DOI 10.24833/2073-8420-2017-2-43-25-36

***Введение.** Грядущий столетний юбилей Октябрьской революции заметно всколыхнул академическую среду и дал импульс к переосмыслению старых и постановке новых проблем, связанных с революционным прошлым. Изучение вопросов соотношения принципов революционной законности и революционной целесообразности в контексте становления советской правовой системы и реализации права имеет давнюю традицию в отечественной историографии. Однако в фокусе этих исследований обычно находятся либо проблема их теоретического осмысления, либо использование указанных правовых конструкций в репрессивной политике советского государства. Актуализация восприятия этих принципов общественным сознанием в настоящее время только начата.*

***Материалы и методы.** С позиций когнитивного и историко-антропологического подходов автор анализирует факторы смены парадигмы правопонимания в ходе революционных событий первых десятилетий XX века. На основании широкого круга источников, разнообразных по своему происхождению и направленности, устанавливается вектор развития нового правопонимания и выявляются детерминированные этим процессом дефекты правосознания.*

***Результаты исследования.** Применение системного метода в исследовании основных характеристик трансформирующегося правопонимания позволило автору сделать вывод о том, что содержание и структура правопонимания и правосознания значительной части «рядовых людей» в первые годы советской власти были диаметрально противоположны той новой правовой идеологии, которая транслировалась «сверху», а смена базовой константы «права» на «насилие» происходила достаточно медленно и носила лишь временный характер.*

***Обсуждение и заключение.** Обосновано, что в условиях гражданской войны В.И. Лениным была сформирована новая концепция – концепция пролетарского (советского) права и революционной законности, в рамках которой юридическое содержание права подменялось идеологическим. Исходя из классовой природы права, оно рассматривалось как средство подавления меньшинства «трудящимся большинством». При этом в случае реальной угрозы революции предусматривалась возможность временного отказа от законности и замены ее, так называемой «революционной целесообразностью». Реализация этой концепции на практике привела к упразднению многих правовых институтов и существенному ограничению прав граждан во всех сферах жизни. Уход от*

* Амплеева Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России

традиционного правопонимания к новой его конструкции, основанной на классовом подходе, противопоставление законности и целесообразности, оправдание насилия интересами революции – все это привело к существенной деформации правосознания. В свою очередь, революционная практика «красного террора» медленно, но верно формировала его новый тип.

Введение

Проблема реализации принципа законности в процессе укрепления правопорядка не теряет своей актуальности на протяжении всей истории существования Российского государства. Эта проблема не находит своего решения и в новой России, где правовой нигилизм укоренился в качестве культурной традиции. Принципы верховенства права и закона до сих пор не сумели занять достойного места в нашем «постсоветском» правосознании. В этой связи изучение вопросов эффективности идеологического и социопсихологического воздействия советской власти на формирование нового общественного сознания до сих пор не теряет своей актуальности. Проблемы взаимодействия власти и общества актуализированы в современной историографии грядущим столетним юбилеем Октябрьской революции [4, 6, 16, 20, 26, 27].

Принципы «революционной целесообразности» и «революционной законности», последовательно или в совокупности определявшие суть и направление правовой политики советского государства, активно изучались на протяжении всего существования СССР исключительно с позиций марксизма-ленинизма. Сводилось это изучение, как правило, лишь к толкованию их определений, разбросанных по разным теоретическим работам идеологов большевизма и многочисленным законам, положениям и циркулярам [23. С. 127]. В начале 90-х годов указанные правовые конструкции начали активно изучаться в общем контексте репрессивной политики большевиков. И только в последнее десятилетие были сделаны вполне успешные попытки исследовать проблему восприятия этих принципов общественным сознанием [13. С. 88].

Постановкой и разработкой проблем правопонимания на протяжении нескольких веков активно занимаются философы, теоретики и социологи права. В настоящее

время существует значительное количество различных его концепций и классификаций, авторы которых пытаются с помощью свежих доктринальных подходов придать новый вектор развития не только правовой теории, но и практике.

Ключевые понятия в исследовании правопонимания

Правопонимание трактуется в юриспруденции как научная категория, отражающая процесс и результат осмысления сущности права и порождаемых им правовых явлений. Понимание права на разных уровнях: официальном (властном), профессиональном и обыденном – различно. Тип правопонимания формируется под воздействием определенных социальных условий, складывающихся на определенном этапе исторического процесса, и оказывает прямое влияние на правосознание – субъективную реакцию людей на существующую правовую действительность.

В рамках данного исследования нас будут интересовать два классических типа правопонимания, сложившихся в рамках соответствующих юридических школ в России и за рубежом во второй половине XIX века. Приверженцами позитивистской школы право отождествлялось с действующим законодательством, а, следовательно, рассматривалось как приказ государственной власти, обеспеченный принуждением. Все, что не касается норм права, в рамках данного подхода не рассматривалось, а право понималось как совокупность норм, принципов и нормативных правовых актов [5. С. 123]. По мнению М. Капустина, в рамках данной концепции понимания права, опиравшейся на формально-догматический метод, судебные и административные решения должны были основываться исключительно на юридической догматике и законе [5. С. 112]. Именно эти теоретические установки будут востребованы и реализованы советским правом в первые годы советской власти. Кроме

того, позитивистское понимание права станет базовым основанием формирования советской правовой идеологии.

Абсолютно противоположным было понимание сущности права у сторонников естественно-правовой школы, выдающимся представителем которой был Б.Н. Чичерин. Они не просто различали право и закон, но и рассматривали право как объективное и независимое от государственной власти социальное явление. По мнению Б.Н. Чичерина, закон должен быть выражением правды, иметь не только юридическое, но и нравственное значение, основываться на естественном праве как едином, разумном и неизменном. Закон этот выдающийся российский правовед рассматривал как выражение правды, а суд, реализующий в своей деятельности принцип законности, высшим органом, который эту правду должен воплощать в жизнь. Следовательно, цель суда – это воздаяние каждому должного на основании закона [25]. Этот тип правопонимания был воспринят и получил широкое распространение на обыденном уровне.

В зависимости от типа правопонимания изменяется категория законности. Сторонники естественно-правовой школы рассматривали законность в качестве базового условия обеспечения и защиты прав и интересов граждан. «Нормативисты» видели в законности, прежде всего, требование неукоснительного выполнения под страхом наказания установленных государством норм права.

В отечественной и зарубежной историографии в последнее десятилетие особое внимание уделялось проблемам взаимоотношений власти и общества в ходе политической модернизации, запущенной революционными процессами 1905-1917 гг. В статье профессора М. Меланкона, изучившего более ста различных российских газет за период 1903-1914 гг., показаны представления русского общества о политике, правах человека, экономическом развитии. Автор констатирует быстрое развитие гражданского сознания и буржуазной культуры [14]. В том же ключе оценивают развитие русского общества в предвоенное время и другие зарубежные историки [18]. Ученые акцентируют внимание на том, как напряжение капиталистической модернизации влияло на складывание революционной конъюнктуры общества [18. Р. 203]. В исследованиях М. Меланкона и А. Пэта аргументируется тезис о том, что катастрофического раскола в русском обществе в предвоенные годы не было.

Общество скорее склонялось к социальному согласию, чем было настроено на конфронтацию [18. Р. 223]. По мнению Р. Маккина, основная масса рабочих до февраля 1917 г. не была политизирована [12. Р. 3]. Однако, подчеркивает исследователь, дело «эволюционного реформирования» было проиграно еще до начала Первой мировой войны из-за непоследовательной рабочей политики самодержавия. Ограничения легальной деятельности рабочих организаций и ухудшение условий жизни в ходе начавшейся войны сделали рабочий класс восприимчивым к радикальным лозунгам социалистов [12. Р. 4, 116-117].

Монография П. Холквиста затрагивает проблемы взаимоотношений властных структур и рабочих. Исследователь раскрывает характер политических взглядов и настроений российского пролетариата в период с 1914 по 1921 гг. Он анализирует функционирование советской системы в контексте использования практик мобилизации и пропаганды, сложившихся еще в годы Первой мировой войны и обосновывает преемственность методов управления дореволюционного и послереволюционного периодов [24. Р. 238-239].

Фундаментальное исследование Дж. Бербанк, посвященное изучению волостных судов, раскрывает особенности правовой культуры крестьян, показывает их отношение к закону и суду, их понимание социальной справедливости, акцентирует внимание на стремлении крестьян жить законопослушно. Исследовательница убедительно доказала, что через волостные суды крестьяне были включены в правовую систему государства и могли достаточно эффективно отстаивать свои права в судебном порядке [2]. Заслуживает внимания и вывод автора о том, что даже в период потрясений 1917 г. крестьяне использовали закон для решения споров и суд для защиты личного достоинства. А также утверждение о том, что гражданское общество с буржуазными ценностями существовало в крестьянских деревнях и судах до начала Первой мировой войны, и правовая культура уже в довоенное время основательно укоренилась в русской деревне [2. Р. 18-31, 266, 250].

К сожалению, серьезных исследований, о том, что представляли собой взгляды образованной части общества (за исключением ученых-юристов) на судебную власть, закон и право в настоящее время нет. Серьезные трудности возникают с источниками. В распоряжении исследователей только дневники

и воспоминания, а это достаточно тенденциозные источники.

Анализ современной историографии позволяет утверждать, что в ходе революционных событий двух первых десятилетий XX века правовое сознание громадного большинства населения России претерпело заметные изменения – от правового нигилизма, к осознанию собственных прав, интересов и возможности их правовой защиты. Правовая политика Временного правительства значительно укрепила веру российских граждан в верховенство закона и обеспечила включенность в правовую систему самых широких слоев населения. Период установления советской власти, отягощенный гражданской войной и иностранной военной интервенцией, стал временем коренного изменения правопонимания и существенных деформаций правового сознания, детерминированных большевистской идеологией.

Ленинское учение о государстве и праве. Практика его реализации

Базовые положения большевизма достаточно четко были сформулированы В.И. Лениным и его сторонниками задолго до Октябрьского переворота. В данной концепции подчеркивалась классовая сущность государства, которое рассматривалось в качестве политико-организационной формы диктатуры господствующего класса (буржуазии) и, следовательно, подлежало немедленному слому в ходе пролетарской революции. Наиболее полно ленинские взгляды на государство и власть были изложены в работе «Государство и революция». В качестве важнейшего положения в первой главе этого труда выделяется положение о том, что «государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены». По мысли Ленина, у руля государственного управления всегда стоит господствующий класс, который реализует свою государственную политику исходя из собственных экономических, политических и идеологических интересов [9. С. 386-387].

В указанной работе лидер большевиков достаточно четко раскрывает содержание понятия «диктатура класса». Он утверждает: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно

на насилие опирающуюся власть» [9. С. 382]. Ленин солидарен с Ф. Энгельсом в том, что государство и свобода не совместимы: «Когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать». Решая вопрос о том, как победивший в ходе революции и захвативший власть пролетариат должен поступить с государством? Ленин, вслед за К. Марксом, делает однозначный вывод о необходимости сломать старую буржуазную государственную машину и заменить ее новым государством – орудием диктатуры пролетариата. Это государство обречено на отмирание. При этом оно должно выполнить свою основную задачу – полностью уничтожить врагов революции, подавив сопротивление всех противников пролетариата. Идеолог большевизма прямо заявляет: «Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства» [9].

Концепция отмирания права и государства и замена их «революционным творчеством масс», озвученная большевиками в первые дни после захвата власти, предусматривала замещение юридической категории правопорядка неюридическим понятием социального порядка [10. С. 276]. Идеологической основой государственной политики стало учение о роли и функциях диктатуры пролетариата, согласно которому «...между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата, т.е. властью, опирающейся непосредственно на насилие, не связанное никакими законами» [10. С.276- 277]. Следует подчеркнуть, что именно определение большевиками государства как «продукта и проявления непримиримости классовых противоречий», объясняет их полное равнодушие к таким дефинициям как «свобода» и «демократия» в их классическом (античном) понимании. Именно поэтому, создавая государство диктатуры пролетариата, большевики будут определять демократию через понятие «суверенитета революционного большинства». Ни в доктрине, ни в законодательных актах

советского периода мы не встретим понимания демократии как политико-правового пространства, а значит, необходимого условия для реализации комплекса прав и свобод личности, признаваемых за этой личностью государством.

Таким образом, диктатура пролетариата «превращается в принуждение по отношению к любой части народа, не согласной с проводимой политикой или не слишком ее поддерживающей». Причем насилие В.И. Ленин выделяет в качестве необходимого элемента диктатуры. В работе «Государство и революция» обосновывается концепция необходимости слома буржуазной государственной машины. И начать этот процесс предлагалось с замены старых государственных чиновников верными революции пролетариями, поставив их на ключевые посты, прежде всего, в органах политической власти и силовых структурах, осуществляющих карательные функции [1. С. 56].

Первое время после захвата власти лидер большевиков действительно считал, что «вооруженный народ» сможет заменить все основные государственные институты. Нужно отметить, что некоторые основания для этого в первый послеоктябрьский месяц у него были. Сразу же после захвата власти и ареста Временного правительства единственным институтом власти в стране были Военные Революционные комитеты (далее – ВРК), образованные при Петроградском, Московском и губернских Советах рабочих и солдатских депутатов. Они отлично справились с организацией вооруженного восстания не только в столичных городах, но и на местах. Сразу же после Октябрьского переворота 1917 года, в последних числах октября в структуре ВРК стали появляться военно-следственные комиссии. Формирование этих комиссий было предопределено превращением ВРК в единственный на то время орган государственной власти.

Причина создания военно-следственных комиссий заключалась в необходимости оперативного выявления противников революции и принятия мер против арестованных в ходе Октябрьского восстания. Когда же в декабре 1917 года возникнет насущная необходимость в появлении чрезвычайных орга-

нов¹, призванных подавлять сопротивление врагов революции, именно ВРК начнут формирование Чрезвычайных комиссий в центре и на местах. Так, в состав Всероссийской комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем в Петрограде войдут практически все члены военно-следственной комиссии при Петроградском ВРК. При активном содействии ВРК начнется реализация Декрета «О суде» №1 от 22 ноября 1917 г., декларирувавшего слом старой судебной системы[21]. Декрет упразднил всю дореволюционную судебную систему, вместе с институтами судебных следователей, прокурорского надзора и адвокатуры. Одновременно создавались новые пролетарские судебные учреждения – революционные трибуналы. Их назначение – это «борьба против контрреволюционных сил, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев и промышленников, чиновников и прочих лиц»[21]. Причем, при рассмотрении дел революционные трибуналы должны были руководствоваться не законами свергнутых правительств, а декретами Совета народных комиссаров, революционной совестью и революционным правосознанием. Им был предоставлен широкий простор как в определении своей юрисдикции, так и в определении меры наказания.

Процесс формирования революционных трибуналов был начат в январе 1918 г. и очень быстро завершился. К маю 1918 г. они были созданы во всех губернских и областных городах. Действовали революционные трибуналы в составе председателя и шести народных заседателей, избираемых местными Советами. Для производства предварительного расследования при Советах учреждались особые следственные комиссии. Состязательность процесса сохранялась. Она обеспечивалась особыми коллегиями правозаступников. Причем, представители этих коллегий могли осуществлять правозаступническую деятельность как в форме общественной защиты, так и в форме общественного обвинения. Отметим, что данные коллегии формировались из лиц, желающих оказать помощь революционному правосудию и представивших рекомендацию местных Советов.

¹ ВЧК была образована по предложению В. И. Ленина 7 декабря 1917 года в период острого кризиса советской власти, когда большевики, проиграв выборы в Учредительное собрание, активно пытались изменить его состав. Силами ВЧК началось преследование кадетов, получивших на выборах в Учредительное собрание большинство голосов. Кадеты были объявлены «партией врагов народа». Как «вожди гражданской войны» они были арестованы, их газеты закрыты, а в Петрограде введено военное положение.

Силами ВРК осуществлялся захват власти в государственных учреждениях и национализация промышленной и банковской сферы. Однако если с задачей подавления сопротивления контрреволюционных сил ВРК справлялись достаточно хорошо, то с проблемой хозяйственного управления возникли серьезные сложности. Представители губернских и уездных Советов – представители революционного пролетариата, сразу же после захвата власти большевиками встали во главе всех государственных учреждений. Что же касается управления экономикой и социальной сферой, то в этих органах считалось возможным сохранить старые управленческие структуры, но при условии смены руководящего состава и использования чиновников-профессионалов лишь для чисто технических функций под контролем органов пролетарской политической власти [1. С. 81]. Следует отметить, что система Советов различных уровней мыслилась большевиками как качественная замена государственного аппарата после слома буржуазной государственности. Однако очень быстро от этой идеи пришлось отказаться.

Формирование доктрины советского правопонимания

Первые декреты советской власти рассматривались на местах именно как правовое основание революционных преобразований. Центральные органы Советского государства своими указаниями направляли деятельность местных Советов в политическом отношении, стремились внести определенное единство в решение основных организационных вопросов. От местных Советов требовалась, по возможности, полная информация об их организации и деятельности, финансовом и материальном положении. Однако правотворчество новой власти не всегда поспевало за динамикой политического момента. В большинстве случаев именно соображения революционной целесообразности выступали критерием правильности действий органов и должностных лиц Советской власти.

Следовательно, наряду с декретами и постановлениями Советское правительство в то же время признавало важным и необходимым средством проведения государственной политики «революционное творчество масс». На II Всероссийском съезде Советов В.И. Ленин, говоря о реализации Декрета о земле, предлагал: «...пусть крестьяне с

одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм» [11. С. 104].

В первые месяцы советской власти наряду с доктриной отмирания государства большевиками активно озвучивалась идея «отмирания права». Так, П.И. Стучка, популяризируя эту идею, подчеркивал: «Понимая право в буржуазном смысле, мы о пролетарском праве и говорить не можем, ибо цель самой социалистической революции заключается в упразднении права, в замене его новым социалистическим порядком» [22. С. 76]. Как «выражение интересов пролетариата» трактовал право Д.И. Курский. Он заявлял, что в условиях диктатуры пролетариата нет места для норм «вроде *Nabeas Corpus*» для признания и защиты прав индивида, а «отмена всех норм буржуазного права – единственная гарантия правосудия для городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства...» [8. С. 42]. На «стихийно-классовой природе права, которое вырабатывается вне каких бы то ни было официальных рамок в рядах угнетенной и эксплуатируемой массы», настаивал М.А. Рейснер [19. С. 20].

С началом гражданской войны и иностранной интервенции быстро пришло понимание того, что новое дело государственного управления пролетариата освою не сразу. «Революционное творчество масс» привело к хаосу и анархии в системе государственного управления. В этих условиях В.И. Лениным была сформирована новая концепция – концепция пролетарского (советского права) и революционной законности, в рамках которой юридическое содержание права подменялось идеологическим. Исходя из классовой природы права, оно рассматривалось как средство подавления меньшинства «трудящимся большинством». При этом в случае реальной угрозы революции предусматривалась возможность временного отказа от законности и замены ее, так называемой «революционной целесообразностью». Революционное право понималось вождем пролетариата как право, охраняющее интересы революции, а революционная законность трактовалась как средство революционного наступления и революционной борьбы советской власти со всеми ее противниками. Причем, круг этих противников не был четко очерчен в законодательных актах и мог очень широко трактоваться правоприменителем.

В полном соответствии с ленинской идеей пролетарского права в среде советских юристов складывались различные концепции правопонимания и теории права. Основной задачей советских правоведов в этот исторический момент было обоснование существования особого, пролетарского права, которое, по мнению М.Ю. Козловского, «являлось правом в смысле средства подавления сопротивления меньшинства трудящимися классами» [7. С. 24]. Все эти концепции, по меткому замечанию В.С. Нерсисянца, объединяло одно – отрицание объективной природы и смысла права, а также «оправдание диктатуры его приказных форм». Он подчеркивает, что «без взаимности прав и обязанностей речь может идти только о диктате, подчинении, господстве и т.п., но никак не о праве» [15. С. 186]. Право трактовалось как средство утверждения диктатуры пролетариата. Очень быстро, буквально в течение нескольких месяцев 1918 года, была создана новая официально озвученная парадигма революционного правопонимания, которая начала активно реализовываться советской властью не только в Декретах, Постановлениях и Циркулярах, но и в практической деятельности чрезвычайных органов государственного управления. Исключительно классовый подход к праву, использование права как средства подавления, противопоставление законности и целесообразности, ярко выраженное пренебрежение к правам отдельной личности – все это должно было привести к заметным дефектам правосознания.

Правовое сознание и правовая реальность в первые месяцы революционных преобразований

Богатейший фактический материал, позволяющий оценить уровень правосознания отдельных граждан с точки зрения его деформации в процессе официальной смены парадигмы правопонимания, сохранили для исследователя архивные фонды. Совершенно уникальным, на наш взгляд, следует считать дело по обвинению бывшего Губернского Комиссара Временного правительства в противодействии советской власти в Ярославской губернии. Это дело было одним из первых дел, рассмотренных Ярославским революционным трибуналом [3. Оп. 2. Д. 86. Л. 5-95]. Оно находилось под контролем Наркомата юстиции, поскольку, как это указано в письме наркомата юстиции И.З. Штейнберга председателю Ярославского ревтрибунала,

представляло «большой интерес, как дело бывшего высшего представителя губернии». Суть этого дела сводилась к тому, что после Октябрьского восстания, в процессе реорганизации Губернского Комиссариата – органа высшей губернской власти, была предпринята не совсем удачная попытка замены бывшего Губернского Комиссара Б.В. Дюшена представителем Исполкома Ярославского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Опрошенный по этому делу член Исполнительного комитета Губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, П.А. Будкин, показал, что сразу же после Октябрьской революции, когда все учреждения города Ярославля были взяты под контроль советской власти, и в Губернское Присутствие была назначена коллегия по заведыванию всеми делами этого учреждения. Однако вскоре выяснилось, что данным учреждением продолжает руководить и распоряжаться финансами Казначейства старый Земский Комиссар Б.В. Дюшен, хотя давно должен был сдать дела представителям новой власти. Губернский Комиссар, заявив о нелегитимности его смещения, продолжил исполнять свои обязанности, в чем его поддерживали и служащие Губернского Комиссариата. Причем, факт существования почти год на губернском уровне этого «двоевластия» выяснился совершенно случайно и, как это часто бывает, по доносу доброжелателя. Все это время члены Исполкома Ярославского Совета находились в полной уверенности, что руководство Губернским Комиссариатом осуществляет назначенный, по решению Совета, на пост Губернского Комиссара, член Исполкома этого Совета тов. Власов.

Из материалов дела видно, как объясняет ситуацию срочно арестованный после вскрытия этого вопиющего факта Б.В. Дюшен. На допросе он показал, что после того как узнал о смене власти в стране, 23 декабря 1917 г. официально в Губернском Земском Собрании сложил с себя звание Губернского комиссара. Через две недели им было получено требование «на клочке бумаги каких-то личностей» о сдаче дел Губернского Комиссариата.

После получения этой бумаги Дюшен обратился с письмом к Ярославскому Совету. Текст этого документа позволяет составить достаточно полное представление о характере правопонимания человека, имевшего богатый (дореволюционный) опыт работы в земских учреждениях, избранного

на должность Губернского Комиссара двухмиллионным населением губернии. В этом письме Дюшен 14 ноября 1917 г. обращается в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Ярославля и заявляет о том, что предложение «сдать дела, им было получено от группы людей, называющих себя Военным революционным комитетом». Однако по поводу этого предложения он намерен сделать следующее заявление: «Управление гражданской частью Ярославской губернии было мне доверено от имени всего населения губернии Ярославским Губернским Исполнительным Комитетом Общественного порядка и центральной правительственной властью. ... Дело управления губернией, доверенное мне, есть дело не только общегубернское, но и государственное, и не может быть изменено, по инициативе местной городской организации, конструкция которой не является демократично-законной. Только по приказу центрального правительства, облеченного всей полнотой власти, имею я право и обязанность передать доверенное мне тяжелое и ответственное дело управления губернией». Смелое заявление поборника легитимной смены власти о том, что он «может сдать дела Комиссариата только члену Совета, избранного на Республиканском Съезде, ибо считает себя не чиновником, а избранником народа», было Ярославским Советом оставлено без внимания.

Члены Исполкома Ярославского совета, активно приступившие к слому старой государственной машины, руководствовались собственным революционным сознанием и не понимали, как реагировать на демарши бывшего Губернского Комиссара. Поэтому никто от Совета для принятия дел в Губернский Комиссариат так и не явился. Вместо этого, Дюшен по распоряжению начальника ярославской милиции был доставлен в Дом народа (здание, где располагались органы советской власти), где ему предложили сдать печати Комиссариата. Заявив о том, что печати находятся в Присутствии, Дюшен предложил совершить передачу печатей именно там. После этого инцидента никто больше никаких требований к нему не предъявлял. Именно поэтому, он, как это видно из его допроса по делу, вынужден был, «чтобы не нарушать работу губернского учреждения, оставить за собой формальное распоряжение кредитами учреждения до того момента, когда представитель Совета сам приступит к распоряжению ими».

Следует подчеркнуть, что до ареста Дюшена члены Исполкома Совета даже не по-

интересовались, кто управляет Комиссариатом. В защиту Дюшена выступили на митинге 350 рабочих-железнодорожников и требовали либо срочного рассмотрения его дела в трибунале, либо немедленного его освобождения. Кроме того, в адрес Исполкома Ярославского Совета поступали заявления арестованных вместе с Дюшеном чиновников и их родственников, в текстах которых нашла свое отражение специфика правопонимания этой категории образованных, но не достигших высоких управленческих вершин лиц. Так, в прошении жены секретаря Губернского присутствия Н.Г. Чупуровой, направленном в Исполком ярославского Совета, было заявлено следующее: «11 января 1918 г., во время занятий в Ярославском губернском присутствии, по неизвестной до сего времени причине, был арестован и заключен в тюрьму мой муж – секретарь Губернского присутствия П.П. Чупуров. До настоящего времени ему не предъявлено никакого обвинения, к следствию его не вызывали и неизвестно, когда будет назначен суд. Такое отношение со стороны представителей настоящей власти к свободным гражданам Российской Республики ни в коем случае не может быть допустимо, как нарушение элементарных прав граждан». Приведенная цитата позволяет со всем основанием утверждать, что даже во время начавшейся гражданской войны, образованная часть граждан, продолжала воспринимать законность и дарованные им Февральской революцией права и свободы как необходимые условия, ограждающие личность от произвола власти. Мало того, они готовы активно эти права и свободы защищать. Кроме того, их отношение к суду как государственному органу, реализующему в своей деятельности принципы законности и справедливости. Отметим также, что Ярославский ревтрибунал вынужден был освободить Дюшена и арестованных вместе с ним чиновников Комиссариата до судебного разбирательства. Перегруженный делами революционный трибунал, почти год пытался найти доказательства по предъявленным чиновникам Губернского Комиссариата обвинениям, но так и не смог этого сделать. В своем распорядительном заседании он принял решение – дело прекратить, поскольку при переходе власти от Временного правительства к Советам представители Губернского исполкома не сумели должным образом обеспечить процесс перехода власти. Практика рассмотрения в ревтрибунале этого дела и решение, по нему вынесенное, свидетельствуют о

том, что члены ревтрибунала, так же как и представители Следственной комиссии, несмотря на официальную смену парадигмы правопонимания, продолжали сохранять самое элементарное уважение к человеческой личности и не готовы были творить беззаконие и произвол исключительно на основании революционной целесообразности.

Заключение

Гражданская война и иностранная интервенция вынудили большевиков перейти к политике «военного коммунизма» с характерными для нее чрезмерной централизацией, администрированием, террором и «чрезвычайщиной». В этих условиях доминирующей становится тенденция наделяния судебных и внесудебных органов чрезвычайными полномочиями в зависимости от успехов или поражений на фронтах гражданской войны. Политика «чрезвычайщины», реализованная на практике, привела к упразднению многих правовых институтов и существенному ограничению прав граждан во всех сферах жизни. Насаждаемое советской властью в годы военного коммунизма пренебрежительное отношение к закону, подмена «законности» «целесообразностью» открыли путь массовым репрессиям и произволу власти. Нормативное закрепление принципа принуждения было вызвано необходимостью реализации мобилизационной политики советского государства. В основу этой политики легла концепция военного коммунизма, легализовавшая повсеместное применение этого принципа не только в отношении противников революции, но и всего населения страны. Именно в этот период граждане утрачивают веру в социальную ценность права. Правовой нигилизм, актив-

но распространяясь во всех слоях общества, находит свое отражение в различных сферах общественной практики.

В фондах Государственного архива Ярославской области сохранился интересный документ – докладная записка следователя-докладчика Ярославского революционного трибунала В.В. Цареградского, относящаяся к 1921 г. Автор записки жалуется в Наркомат Юстиции на произвол судей ревтрибунала и их неправомерные решения. Судебный произвол, по мнению автора записки, царит повсюду. «Чем дальше от Центра, тем глубже и беззащитней вскрывается личное усмотрение власть имеющих лиц, и тем тяжелее и беззащитнее вырисовывается положение граждан». В подобной ситуации «самые обоснованные с точки зрения существующих социально-правовых норм заключения разбиваются о революционную совесть, и роль следователя – юриста сводится на нет». Тяжесть этого ненормального положения, подчеркивает Цареградский, усугубляется тем фактом, что дело приходится иметь не с машинами, а с живыми людьми, которые стремятся найти в суде правду и право [3. Оп.2. Д. 138. Л. 12].

Уход от традиционного правопонимания к новой его конструкции, основанной на классовом подходе, противопоставление законности и целесообразности, оправдание насилия интересами революции – все это привело к существенной деформации правосознания. В свою очередь, революционная практика «красного террора», медленно, но верно формировала его новый тип. Причем, на тип и качество правопонимания в ходе революционного процесса определяющее влияние оказывает способ, каким происходит смена власти и форма, которую эта власть обретает.

Литература:

1. Берман Я.Л. Основные вопросы теории пролетарского государства. М., 1924.
2. Burbank J. Russian peasants go to court: Legal culture in the countryside, 1905-1917. Bloomington, 2004.
3. Государственный архив Ярославской области. Фонд Р-601. Ярославский губернский революционный трибунал и Ярославский отдел Окружного революционного военного трибунала. Опись 1-2.
4. Гринин Л.Е. Русская революция и ловушки модернизации // Полис. Политические исследования. 2017. № 4.
5. Капустин М. Теория права (юридическая догматика). М., 1868.
6. Красин Ю.А. Величие и трагизм советского «эксперимента» // Полис. Политические исследования. 2017. № 1.
7. Козловский М. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1.
8. Курский Д.И. Избранные речи. М., 1948.
9. Ленин В.И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. (далее – ПСС). Т. 25. М., 1969.
10. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Полное собрание сочинений. Т. 36. М., 1974.

11. Ленин В.И. Речь на Втором Всероссийском съезде Советов // ПСС. Т. 35. М., 1974.
12. Late imperial Russia: Problems and prospects. Essay in honour of R.B. McKean. N.Y., 2005.
13. Максимова О.Д. Революционное правосознание как источник советского права // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 9 (47): в 2-х частях. Ч. II.
14. Melancon M. Russia's outlooks on the present and future, 1910-1914: What the press tells us // Russia in the European context, 1789-1914: A member of the family. N.Y., 2005.
15. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997.
16. Оганисян Ю.С. Столетье войн и революций. Эпоха продолжается? // Полис. Политические исследования. 2017. № 1.
17. Письмо СНК «Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» // Известия ЦИК. 1917.
18. Russia in the European context 1789-1914: West: A member of family. N.Y., 2005.
19. Рейснер М.Л. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.-М., 1925.
20. Розов Н.С. Вектор русской революции 1917 г. – модернизация или контрмодернизация? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2.
21. Собрание узаконений РСФСР, 1917. № 4. Ст. 50.
22. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964.
23. Фельдман М.А. Большая тайна советской истории (Историография Советов в годы Гражданской войны) // Общественные науки и современность. 2013. № 5.
24. Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge–London, 2002.
25. Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006.
26. Fitzpatrick Sh. Ending the Russian revolution: Reflections on Soviet History and its interpreters / Proceedings of the British Academy. Vol. 162. 2008. Lectures. P. 29-44, 372.
27. Fitzpatrick Sh. Ordzhonikidze's Takeover of Vesenkha: a Case Study in Soviet Bureaucratic Politics // Soviet Studies. Vol. 37. № 2 (April 1985). P. 153-172.

THE PARADIGM OF LEGAL UNDERSTANDING IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER

Introduction: The coming centenary of the October Revolution markedly stirred up the academic environment and gave impetus to a rethinking of old and emerging problems related to the revolutionary past. The study of issues related to revolutionary legality and revolution expediency in the context of the establishment of the Soviet legal system and the realization of law has a long tradition in national historiography. However, these studies are usually focused on either the problem of their theoretical comprehension or on the use of relevant legal norms in the repressive policies of the Soviet state. The actualization of the perception of these principles by the public mind at the present time has just begun.

Materials and methods: From the standpoint of cognitive and historical-anthropological approaches, the author analyzes the factors of the paradigm shift of legal understanding in the course of the revolutionary events of the first decades of the 20th century. Based on a wide range of sources, diverse in origin and orientation, the vector of the development of a new legal understanding is established and the

defects of legal consciousness determined by this process are revealed.

Research results: The application of the system method to the study of the basic characteristics of transforming legal understanding allowed the author to conclude that the content and structure of the legal understanding and sense of justice of a significant part of «ordinary people» in the first years of Soviet power were diametrically opposed to that new legal ideology that was broadcast «From above», and the change in the basic constant of «law» to «violence» occurred quite slowly and was of a temporary nature.

Discussion and conclusions: In the conditions of the Civil War, V.I. Lenin formed a new concept - a concept of proletarian (Soviet law) and revolutionary legality, in which the legal content of law was replaced by ideological content. Based on the class nature of law, it was viewed as a means of suppressing the minority by the «working majority». At the same time in the event of a real threat to the revolution the possibility of a temporary replacement of law with the so-called «revolutionary expediency»

was provided for. The implementation of this concept in practice led to the abolition of many legal institutions and a significant restriction of the citizens' rights in all spheres of life. Replacing traditional legal understanding with a new ideology based on the class approach, the opposition of legality and expediency, and the justification of violence by the interests of the revolution resulted in

significant defects in legal consciousness. In turn the revolutionary practice of the «Red Terror» slowly but surely formed its new type.

Tatyana Yu. Ampleeva,
PhD (History), PhD (Law), Full Professor
with the Department of Legal Foundations for
Administration, MGIMO (University) of the
MFA of Russia

Ключевые слова:

революционная законность,
революционная целесообразность,
правосознание, правопонимание.

Keywords:

revolutionary legitimacy, revolutionary
expediency, the dictatorship of the proletariat,
the policy of military communism, counter-
revolutionary activity.

References:

1. Berman Y.L., 1924. *Osnovnye voprosy teorii proletarskogo gosudarstva* [The basic questions of the theory of the proletarian state]. Moscow.
2. Burbank J., 2004. *Russian peasants go to court: Legal culture in the countryside, 1905-1917*. Bloomington.
3. Gosudarstvennyj arhiv Yaroslavskoj oblasti. Fond R-601. Yaroslavskij gubernskij revolyucionnyj tribunal i Yaroslavskij otdel Okruzhnogo revolyucionnogo voennogo tribunala. Opis' 1, 2 [State Archive of the Yaroslavl Region. Fond R-601. Yaroslavl Province Revolutionary Tribunal and Yaroslavl Division of the District Revolutionary Military Tribunal].
4. Grinin L.E., 2017. *Russkaya revolyuciya i lovushki modernizacii*. [The Russian Revolution and the Traps of Modernization]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Policy. Political Studies]*. № 4.
5. Kapustin M., 1868. *Teoriya prava (yuridicheskaya dogmatika)* [Theory of Law (legal dogmatics)]. Moscow.
6. Krasin Iu. A., 2017. *Velichie i tragizm sovetskogo «ehksperimenta»* [The greatness and tragedy of the Soviet "experiment"]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Policy. Political Studies]*. № 1.
7. Kozlovskij M., 1918. *Proletarskaya revolyuciya i ugovnoe pravo* [Proletarian revolution and criminal law]. *Proletarskay revolyuciya i pravo [Proletarian Revolution and Law]*. № 1.
8. Kurskij D.I., 1948. *Izbrannye rechi* [Selected Speeches]. Moscow.
9. Lenin V.I., 1969. *Gosudarstvo i revolyuciya* [State and revolution]. *Polnoe sobranie sochinenij (PSS) [Complete Works(CW)]*. T. 25. Moscow.
10. Lenin V.I., 1974. *Ocherednye zadachi sovetskoj vlasti* [The next tasks of the Soviet government]. *PSS [CW]*. T. 36. Moscow.
11. Lenin V.I., 1974. *Rech' na Vtorom Vserossijskom s"ezde Sovetov* [Speech at the Second All-Russian Congress of Soviets]. *PSS [CW]*. T. 35. Moscow.
12. 2005. *Late imperial Russia: Problems and prospects. Essay in honour of R.B. McKean*. N.Y.
13. Maksimova O.D., 2014. *Revolucionnoe pravosoznanie kak istochnik sovetskogo prava* [Revolutionary sense of justice as a source of Soviet law]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art]. Voprosy teorii i praktiki [Questions of the theory and practice]*. Tambov. № 9 (47): v 2-ch. Ch. II.
14. Melancon M., 2005. *Russia's outlooks on the present and future, 1910-1914: What the press tells us. Russia in the European context, 1789-1914: A member of the family*. N.Y.
15. Nersisynz V.S., 1997. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow.
16. Oganisyn Iu.S., 2017. *Stolet'e vojn i revolyucij. Epoha prodolzhaetsya?* [A century of wars and revolutions. The era continues?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Policy. Political Studies]*. № 1.
17. 1917. *Pis'mo SNK «Sovetam rabochih, soldatskih i krest'yanskih deputatov»* [Letter from the Council of People's Commissars to the Soviets of workers', soldiers' and peasants' deputies]. *Izvestiya CIK [News of the Central Executive Committee]*.
18. 2005. *Russia in the European context 1789-1914: West: A member of family*. N.Y.
19. Rejsner M.L., 1925. *Pravo. Nashe pravo. Chuzhoe pravo. Obshee pravo*. [Law. Our law. Another's law. Common law]. Leningrad-Moscow.
20. Rozov N.S., 2017. *Vektor russoj revolyucii 1917 g. – modernizaciya ili kontrmodernizaciya?* [The vector of the Russian revolution of 1917 - modernization or counter-modernization?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Policy. Political Studies]*. № 2.
21. *Sobranie zakonov RSFSR, 1917* [Collection of legal documents of the RSFSR, 1917]. № 4. St. 50.

22. Stuchka P.I., 1964. Izbrannye proizvedeniya po marksistsko-leninskoj teorii prava. [Selected works on the Marxist-Leninist theory of law]. Riga.
23. Fel'dman M.A Bol'shaya tajna sovetskoj istorii (Istoriografiya Sovetov v gody Grazhdanskoj vojny) [The great mystery of Soviet history (Historiography of Soviets during the Civil War)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 2013. № 5.
24. Holquist P., 2002. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge-London.
25. Chicherin B.N., 2006. Obshchee gosudarstvennoe pravo Obche [General state law]. Moscow.
26. Fitzpatrick Sh., 2008. Ending the Russian revolution: Reflections on Soviet History and its interpreters. *Proceedings of the British Academy*. Vol. 162. Lectures. P. 29-44, 372.
27. Fitzpatrick Sh., 1985. Ordzhonikidze's Takeover of Vesenkha: a Case Study in Soviet Bureaucratic Politics. *Soviet Studies*. Vol. 37. № 2 (April). P. 153-172.